

ГЕОПОЛИТИКА ПОСТМОДЕРНА: ВОСПРИЯТИЕ ГИБРИДНЫХ ВОЙН И ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Аннотация. Геополитика постмодерна — это феномен современного миропорядка, выстраиваемого по плану главного центра силы планеты — США. Одной из важнейших областей ее воздействия является культура, которая сама в известной степени, оказывает влияние на разработку геополитических доктрин в культурно-психологическом, информационном, идеологическом и аксиологическом отношениях. В связи с этим современная культура, которую определяют как постмодернизм, выступает орудием борьбы против геополитических противников США и, прежде всего, России. В данной статье рассматриваются постмодернистские методы утверждения англо-саксонской гегемонии в мире — гибридные войны и сопровождающие их технологии: «цветные» революции, преемственные, конценцентральные войны и войны памяти. Даны примеры культурно-цивилизационной, правовой и моральной легализации войн нового типа.

Ключевые слова: геополитика, постмодерн, гибридная война, преемственная война, конценцентральная война, общественное сознание, мировое сообщество, цветная революция, геополитика внутреннего пространства.

GEOPOLITICS OF POSTMODERNISM: PERCEPTION OF HYBRID WARS AND COLOR REVOLUTIONS IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS

Abstract. Postmodern geopolitics is a phenomenon of the modern world order, built according to the plan of the main center of the planet's power — the USA. One of the most important areas of its influence is culture, which itself, to a certain extent, has an impact on the development of geopolitical doctrines in cultural, psychological, information, ideological and axiological relations. In this regard, modern culture, which is qualified as postmodernism, is an instrument of struggle against geopolitical opponents of the United States and, above all, against Russia. This article discusses the postmodern methods of asserting Anglo-Saxon hegemony in the world-hybrid wars and their accompanying technologies: color revolutions, pre-emptive wars, hybrid wars and wars of memory. Special attention paid to the methods of cultural, legal and moral legalization of modern wars in multidimensional geopolitical space.

Keywords: *geopolitics, postmodern, hybrid war, preemptive war, conscience war, globalization, public consciousness, color revolution, internal space geopolitics of the state.*

В военной науке и практике отмечается тенденция использования стратегий асимметричных не прямых действий, основанных на комбинации военных усилий с политическими, экономическими и информационными методами воздействия на противника для решения задач, которые прежде решались преимущественно военными методами. Данная тенденция проявила многомерный характер противоборства на международной арене, определяющий его воздействие на многие сферы общественной жизни государства: административно-политическую, социально-экономическую и культурно-мировоззренческую.

В условиях глобализации и информационно-технологической революции арсенал воздействия противника дополняется технологиями его символического уничтожения, направленными на духовные и ценностно-мотивационные сферы деятельности людей. Для понимания и осмысления характера современной войны главенствующую роль приобретает фактор, обуславливающий вторичность задач оккупации территории противника и захвата ресурсов в противовес задачам установления стратегического, всеохватывающего контроля над сознанием населения страны-мишени и получения полной власти над завоеванным государством.

Информационная война — мощное средство непрямого невоенного воздействия на политику отдельных государств и на международную обстановку в целом. Усиливается противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением США и НАТО использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения мирового господства. С этой целью в возрастающих масштабах используются технологии манипулирования общественным сознанием как населения собственных стран, так и стран-мишеней с привлечением многочисленных средств фальсификации истории и искажения фактов.

Ожесточенная борьба в информационно-коммуникационной сфере ведется в русле глобальной тенденции, отражающей переход современных конфликтов от классической линейной парадигмы военного противоборства к войне цивилизаций, в которых основное внимание уделяется трансформации ментальных смыслов существования народов. По утверждению западных политологов, в войне смыслов победитель не только занимает культурное пространство народа и возможность распоряжаться его ресурсами, но и завоевывает себе право определять его будущее.

На правах доминирующей геополитической силы США выстраивают мировой порядок, опираясь не столько на декларируемые американской администрацией военные доктрины, сколько в рамках геополитики пост-

модерна¹, используя стратегии не прямых действий, получившие название гибридных войн [1; 2]. Гибридные войны являются качественно новым уровнем геостратегического противоборства, стирающим привычные грани между состояниями войны и мира [3; 4; 5; 6; 7; 8].

Технология ведения таких войн направлена на дезорганизацию и разрушение экономики, политической и социальной сферы государства-жертвы агрессии, слом его суверенитета посредством «конструирования» марионеточных структур в его государственных институтах. Все это осуществляется с целью превращения страны-объекта воздействия в колонию и плацдарм для последующей «мягкой» экспансии.

Одной из важнейших областей гибридных операций является культура, культурно-цивилизационные ценности и смыслы населения страны воздействия. В связи с этим постмодернизм с сопровождающими его консюмеризмом, дегуманизацией, нравственным релятивизмом, а по сути, аморализмом, внедряемым в сознание людей нигилизмом, направленным на разрушение выработанных веками морально-нравственных основ человеческого общества (например, пропаганда однополых браков и однополых семей, которые имеют право на усыновление детей; ювенальной юстиции; толерантности, которая ущемляет права коренных народов государства) — насаждаемая США культурная парадигма как форма борьбы против геополитических противников. Оценивая состояние современной культуры, нужно учитывать наличие мощной англоязычной экспансии и попыток вестернизации культуры народов с традиционным укладом жизни.

Современная культура постмодерна — это культура микса, то есть смешения ценностей, установок, различных смыслов в создаваемых творческими элитами либеральной ориентации новых художественных продуктах. Так появился поп-арт, в котором культивируется эклектика и произвольное сочетание разнообразных деталей и предметов.

Гибридные угрозы — сочетание разнообразных тактик, стратегий и методов воздействия на сознание людей во всех сферах жизни населения страны-объекта агрессии. Они, подобно мифологической стоглавой гидре, подвижны и непредсказуемы. Сложно определить, от какой «головы» ждать нанесения жалеющего удара. Гибридизация методов войны нового типа характеризуется сочетанием «жесткой» военной силы со стратегией «мягкой» силы как системы дипломатических, экономических, юридических, политических и культурологических инструментов несилового воздействия на обстановку в государствах с целью оказания на них влияния, отвечающего интересам национальной безопасности США [1, с. 34]. В то же время методы «мягкого» воздействия сопрягаются с «жесткими» методами воздействия на

¹ Понятие «геополитики постмодерна» было введено в научный оборот философом А.Г. Дугиным. Геополитика постмодерна характеризовалась им как англосаксонское «масонство XXI века», которое насаждает свои ценности и установки по всему миру, разрушая традиционные культурные смыслы цивилизаций.

противника. Так, по наблюдению эксперта в области современных методов ведения гибридных войн А.В. Манойло, в украинской «цветной» революции использовались снайперы, которые, стреляя по участникам протестных акций, разжигали агрессивность толпы. Это можно рассматривать как сочетание информационно-психологического воздействия «мягкой силы» с элементом «жесткой» силы — действиями снайперов [8, с. 17].

Постмодернизм с его глобализаторской и популизаторской силой влияния создает мощное гибридное оружие в культурно-цивилизационной сфере по насаждению по всему миру философии реинтерпретации (изменения с целью искажения) смыслов традиционного общества. В искусстве это проявляется в экспериментах с готовыми художественными произведениями путем внесения в них чужеродных элементов с целью создания автором желаемого контекста. Таким образом, изначальный объект после таких манипуляций приобретает иное содержание.

В контексте ведения гибридных войн такой прием используется для оправдания и легитимизации в общественном сознании агрессивной сущности миротворческих операций с целью защиты прав человека и демократии, проведения гуманитарных миссий и интервенций [9]. Наглядно такая тенденция в геополитике постмодерна проявляется в трактовке «цветных» революций, которые часто рассматривают военные ученые в качестве подготовительной фазы гибридных войн.

«Цветная» революция — это технология подчинения государства через организацию государственного переворота. Однако это не революция в классическом смысле, когда меняется социально-политическая система государства. Предпосылки «цветной» революции, ее ход и итоги режиссируются и финансируются извне и служат реализации геополитических целей внешних субъектов международной политики. «Революционная» оппозиция также формируется под руководством внешних спонсоров. «Цветная» революция направлена, как заметил историк В. Багдасарян, на десоверенизацию государства и его встраивание в глобализированную мир-систему [3].

А.В. Манойло выявил общий механизм реализации технологий в «цветных» революциях на постсоветском пространстве, «бархатных» революциях в Восточной Европе и в «арабской весне» в Северной Африке. Все они внешне выглядят как настоящие политические революции и их итоги воспринимаются и принимаются мировой общественностью как законные. Оппозиционные «революционные» силы, сметающие дискредитированную легитимную власть, сразу же признавались победителями Соединенными Штатами Америки, а значит, и мировым сообществом еще до их окончательной победы и утверждения на политическом олимпе государства [10]. Манойло выделяет некоторые особенности «цветных» революций, которые отличают их от классических революций. Среди них — отсутствие в подобных явлениях идеологии смены социально-политического режима, что

связано с особенностями постмодернизма, отрицающего всякую идеологию и заменяющую ее симулякрами, генерируемыми средствами массовой информации [8].

Постмодернизм делает ставку не на содержание, а на изменчивость форм, при этом содержание как таковое, уходя на второй план, теряет ценность, и с ним можно выполнять любые манипуляции. В то же время современная массовая культура предполагает снижение культурной, интеллектуальной планки подачи материала для аудитории. Для доступности информация для широкой аудитории не должна требовать больших интеллектуальных усилий у зрителя и слушателя, воздействуя исключительно на эмоции потребителя контента.

В результате в постмодернистскую эпоху не появилось ни одной принципиально новой идеологии или системы целостных взглядов, претендующих на цивилизационную значимость. Вместо идеологии постмодернизм предлагает приносящий коммерческую прибыль яркий «пиар» с размытыми, нечеткими и предельно широкими интерпретациями идей и смыслов, искажающих как историческую картину, так и современное понимание окружающего мира. Поэтому в «цветных» революциях нет идеологической базы. По замечанию В. Багдасаряна, лидеры ни одной «цветной» революции не выдвинули собственной программы социально-политического переустройства страны. Все сводилось к провозглашению популистских лозунгов, невыполнимых обещаний и культивирования мифов о вхождении в семью «цивилизованных народов». Это позволяло привлечь в оппозиционные ряды различные слои общества и создать видимость широкого фронта противодействия действующему режиму. Например, во время «болотной революции» в Москве «белоленточники» пытались «связать» А. Навального, либералов, «лимоновцев» и «леваков», причисляющих себя к коммунистам, во главе с С. Удальцовым, в единый фронт оппозиции власти [3].

Вместо выдвижения собственной идеологической программы лидеры «цветной» революции пытаются аккумулировать протестные настроения в обществе, связанные с развитием демократии, защиты прав человека и формированием гражданского общества, низвержением авторитарного антидемократического режима и борьбой с коррупцией.

За неимением идеологии, призванной побуждать народ к действию, идеологи постмодерна делают ставку на яркие перформансы и симулякры. Эпатируя и шокируя людей, они провоцируют и подстегивают протестные движения для организации «цветных революций». «Арабская весна» началась в 2011 году с акции самосожжения тунисца Мохаммеда Буазизи в знак протеста против коррупции. «Евромайдан» на Украине сопровождался перформансом — раздачей участникам протестов булочек и печенья сотрудницей Государственного департамента США Викторией Нуланд. Протестное движение приобретает форму постмодернистского флэшмоба. Толпа, как правило, формируется через социальные сети. Движущей силой

выступает так называемый «креативный класс», представленный, в основном, молодежью, состоящей преимущественно из «офисного планктона» и маргиналами, ведущими социальную войну с собственным государством. Но все эти социальные страты малочисленны и неспособны к критическому восприятию идей, ради которых организаторы «цветной» революции подвигли их на протестные акции.

Применение насилия в ходе самой «цветной» революции носит второстепенный характер. Но в случае активного противодействия властей ее применение становится необходимым фактором, позволяющим оппозиции призывать внешних вдохновителей и спонсоров «цветной» революции к проведению «миротворческой операции» для свержения действующего антинародного режима. Как показывает исторический опыт, итогом всех «цветных» революций является приход к власти прозападных марионеточных режимов, которые переводят страну под внешнее управление. Страна де-факто становится неоколонией и одновременно плацдармом или государством-инициатором организации новых «цветных» революций и локальных конфликтов в регионе [11].

Член-корреспондент Академии военных наук А.А. Бартош отмечает, что «цветная» революция — это, прежде всего, мощное информационное воздействие на граждан страны-объекта агрессии с целью формирования управляемой толпы, которая должна свергнуть правительство и привести государство под внешнее управление [2]. В то же время, в массовом общественном сознании этот процесс разрушения законных демократических режимов воспринимается как акт народного волеизъявления и настоящая революция. Это наглядно демонстрирует еще одну особенность современной массовой культуры и специфику ее восприятия общественным сознанием — интерпретация переходит в инверсию традиционных смыслов. Когда черное воспринимается белым, а традиционно-положительные образы — отрицательными, и наоборот.

Здесь массовая культура, ее информационно-семантическое поле зачастую используется как гибридное оружие войны нового типа. С одной стороны, это концентрированное оружие, направленное на слом исторического кода памяти народа и уничтожение объективной трактовки мировой истории. С другой, взаимосвязанное с первым морально-правовое оружие, когда откровенная ложь становится правовым основанием для вооруженной агрессии, ареста иностранных граждан и экономического давления на государство [1].

Здесь уместно вспомнить еще об одном детище геополитики постмодерна — презэмптивной войне. Это доктрина, разработанная в годы правления президента США Дж. Буша-младшего, предполагала подготовку войн на опережение против государств, которые могут представлять потенциальную угрозу Соединенным Штатам в будущем. Ведение таких войн организуется по следующей схеме: смена политического режима в ходе «цветной» революции или силовой акции, культурно-конфессиональная перекодировка

населения побежденной страны, создание новых государственных институтов и установление контроля над природными и демографическими ресурсами государства [12, с. 743]. При этом контроль над ресурсами передается транснациональным корпорациям без какого-либо сопротивления со стороны бывшего собственника — народа данной страны. Результаты классической войны могут быть со временем пересмотрены, но результаты преэмптивной войны закрепляются навсегда, так как исчезает с политической арены субъект, который может оспорить свое поражение [13, с. 20].

Одним из важнейших целей такой войны является создание в соответствии с западной моделью демократии нации, потерявшей волю к сопротивлению. Президент Академии геополитических проблем Л.Г. Ивашов отмечал, каким образом идеологи геополитики постмодерна пытаются это осуществить: «подавив или размыв духовный стержень народа, сам народ легко можно купить, колонизировать, уничтожить» [6, с. 769]. Насажение чуждых ценностных, зачастую противоречащих национальным традициям ориентиров лежит в основе любых экономических проектов, политических требований, которые выдвигаются в ходе гибридных операций. Трансформировав в соответствии со своими интересами геополитический объект (народ, государство, политическую элиту) в духовно-цивилизационном смысле, англосаксы стремятся добиться реализации своих амбициозных внешнеполитических целей.

Преэмптивным воздействиям, по мысли Л.Г. Ивашова, страна может сопротивляться, пока существует историческая память о победах над врагами и достижениях своего государства [7, с. 769]. Недаром на Западе и в России определенными силами продолжается упорная война по внедрению в общественное сознание наших граждан негативных мифов об отечественной истории. Для определения данного явления в историографии имеется еще одно специальное обозначение — «войны памяти» [14, 15, 16]. Этим и объясняется появление кощунственных творений постмодернистского свободного от морали и совести кино вроде оскверняющего историческую память фильма «Смерть Сталина» или комедии про блокадный Ленинград под названием «Праздник», целью которых является разрушение историко-нравственного кода восприятия Великой Отечественной войны. А это направлено на достижение главной цели гибридной войны против России — нивелирование ее роли во Второй мировой войне. Свидетельством этому является приравнивание в резолюции Парламентской ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 года советского коммунизма к фашизму, признания Бандеры и Петлюры национальными героями Украины, снос памятников советским полководцам и солдатам-освободителям на Украине, в Прибалтике и Польше при молчаливом одобрении международной общественности.

Крушение историко-моральных ориентиров приводит к использованию двойных стандартов и односторонним историческим трактовкам, свидетельствующим об избирательном культурно-правовом плюрализме. Как

отмечает Н.А. Нарочницкая, США добились международного юридического обоснования актов собственного международного терроризма: бомбардировок Сербии, Ирака, Афганистана [12, с. 485]. Систематическое и безнаказанное нарушение основ международного права привело к изменению его идейной концепции и роли контролирующих его институтов. Можно сказать, что международные институты превратились в своеобразные химеры международного права, санкционировавшие войну против Югославии, ее расчленение, произвол «Гаагского трибунала», оказавшегося правовой химерой после его отказа от презумпции невиновности обвиняемых и следования доказательной базе, что, по сути, убило законного президента Сербии С. Милошевича.

В новом глобалистском международном праве понятие «суверенитет» было заменено на концепцию «относительного» суверенитета и оценку эффективности государства в сфере соблюдения демократических норм. И это происходит на фоне превращения «НАТО под эгидой США в военно-политический каркас ойкумены от Атлантики до Урала» [13, с. 487].

Международное право в трактовке глобалистов стало инструментом гибридной войны. Принцип презумпции невиновности приобрел избирательный характер, который в международном правовом поле на Россию не распространяется. Наша страна априори назначается ответственной за все события на международной арене — от вмешательства в выборы американского президента до событий в Венесуэле. Это органично вписывается в философскую канву постмодернистского осмысления бытия — философию абсурда. Один из ее разработчиков, французский философ-экзистенциалист Ж.-П. Сартр так выразил абсурдистскую суть понимания бытия: «Все происходящее не имеет ни повода, ни причины, ни необходимости» [17]. Бессмысленное, которое умом постичь нельзя, воспринимается на эмоциональном уровне в форме ужаса и шока на экране телевизора и компьютера и тем самым обретает достоверность. Примером этому являются «химические атаки» в Сирии и чудесное спасение детей «белыми касками», которые, собственно, и поставили этот спектакль. Во время Пятидневной войны на территории Южной Осетии в 2008 году по европейским каналам транслировали сюжет про осетинскую женщину, сына которой задавили танками грузинские военные, однако, перевод был совершенно иной — перед европейским зрителем была представлена жительница грузинского города Гори, сына которой убили российские миротворцы.

На правовой и информационный беспредел наслаивается еще одна особенность постмодернизма — нигилизм, попирающий традиции и авторитеты. Нигилизм в информационном поле гибридного воздействия сопряжен с откровенной ложью и отсутствием социальной ответственности за ее распространение.

В свое время Н.А. Нарочницкая выявила четко выраженную тенденцию восприятия в массовом сознании динамики гибридных войн: «Каждая новая

геополитическая перестройка регионов в единый мир под англосаксонской эгидой заставляет меркнуть потрясения предыдущих лет» [12, с. 513]. Например, развал СССР привел к эффекту ухода на дальний план в памяти мировой общественности процесс объединения Германии. Война США в Афганистане привела к формированию восприятия экспансии НАТО на восток Европы как к событию второстепенного масштаба. Этот эффект от информационно-психологического воздействия на мировое сообщество позволяет глобализаторам успешно замалчивать свои военные преступления, стирая их из памяти мировой общественности.

В ходе расследований специальной комиссии стран антииракской коалиции в 2004 году по горячим следам войны было установлено, что у Ирака не было оружия массового поражения. Именно из-за обвинений в его наличии началась агрессия США и их союзников против данной страны, был отстранен от власти, а впоследствии и казнен ее президент С. Хусейн. При этом комиссия внедряло этот факт в общественное сознание как «дело прошлое». Это говорит о том, что эффект «забывания» не менее опасен, чем попираание норм международного права, поскольку позволяет США безнаказанно осуществлять свои «гуманитарные миссии» по всему миру.

Геополитика постмодерна — это процесс утверждения англо-саксонской гегемонии на основе применения стратегии управляемого хаоса или контролируемой нестабильности. Этот процесс очень жестокий по отношению к другим народам и странам, беспрецедентный по своему масштабу, аморализму, вседозволенности, безнаказанности и, в то же время, уникален по разнообразию арсенала военных и невоенных методов.

Здесь важно учитывать то обстоятельство, что успехи геополитики стран Запада во многом обуславливаются пассивностью мирового сообщества. Международное общественное сознание находится под влиянием методов информационно-психологического воздействия Запада. События на Ближнем Востоке, в Сирии, на Украине, как и инцидент в Керченском проливе, в западном общественном сознании имеют четкую и неопровержимую антироссийскую оценку. Некритичное восприятие геополитики Запада международным сообществом, по сути, легализует любые действия США в моральной, правовой и культурно-цивилизационной сферах. На этом фоне ООН, Европарламент, ПАСЕ и прочие международные организации превратились, практически, в подконтрольные службы США и НАТО, которые оформляют мандаты на осуществление военных операций против суверенных государств.

Средствами ведения геополитики постмодернизма являются гибридные войны и «цветные» революции, нацеленные не только на слом суверенитета государств и превращение их в подобие «банановых» республик, но и на перекраивание цивилизационных кодов народов в соответствии с моделями западной демократии, что влечет за собой, по существу, их постепенное уничтожение. Дело здесь не только в отчуждении народа страны от ее ре-

сурсов, что характерно для колониальной или неоколониальной политики. Культурно-конфессиональное переформатирование народов приводит к утрате выработанных историей ориентиров и ценностей, исторической памяти, являющимися цивилизационными скрепами нации.

Контрагентами постмодернизма являются традиция и консерватизм, в том числе и в геополитике, направленные на обеспечение национальных интересов страны. В связи с этим выход из сложных, многоуровневых лабиринтов геополитики постмодерна для России видится в защите интересов собственного народа. В центре внимания должны быть здравоохранение, демография, образование, отечественная история, социальная сфера, благосостояние граждан нашей страны, словом, все те сферы, которыми в контексте противостояния внешним гибридным воздействиям занимается геополитика внутреннего пространства или политическая регионалистика, на актуальность которой обращают внимание отечественные политологи [18].

Геополитика внутреннего пространства — это российский ответ на геополитику постмодерна. Ее результативность была доказана еще в 1940-х годах Советским Союзом, когда сначала Европа под эгидой Третьего рейха пошла «крестовым» походом против СССР, а после окончания Второй мировой войны США и их партнеры строили планы по уничтожению нашей страны с применением ядерного оружия. После появления новой России на международной арене эти методы дополнились экономическими, политико-дипломатическими и информационно-идеологическими акциями.

В заключение следует отметить, что России необходима программа развития, которая превратит ее в великую державу, не зависящую от экспорта энергоресурсов, в страну с передовыми образованием, наукой и развивающимся благосостоянием своих граждан. Укрепление государства за счет его устойчивого экономического и социально-политического развития является единственным надежным направлением защиты от гибридных воздействий со стороны геополитических противников и конкурентов.

Список литературы

1. Бартош А.А. Конфликты XXI века. Гибридная война и цветная революция. М., 2018. 284 с.
2. Бартош А.А. Ускорители гибридной войны // Военно-промышленный курьер. 2018. № 4 (759). URL: <https://vpk-news.ru/articles/46584>.
3. Багдасарян В. Классические революции и цветные революции: типологические различия // Геополитика.ru. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/klassicheskie-revolyucii-i-cvetnye-revolyucii-tipologicheskie-razlichiya>.
4. Балашин В. «Мягкая сила» как инструмент внешней политики ряда зарубежных стран // Зарубежное военное обозрение. 2013. № 3. С. 34–36.
5. Дугин А.Г. Геополитика постмодерна // Геополитика.ru. URL: <https://www.geopolitica.ru/article/geopolitika-postmoderna>.
6. Ивашов Л.Г. Геополитика Русской цивилизации / Отв. ред. О.А. Платонов / М., 2015. 800 с.

7. Клименко С. Теория и практика ведения «гибридных войн» // Зарубежное военное обозрение. 2015. № 5. С. 109–112.
8. Манойло А.В. Гибридные войны и «цветные» революции в мировой политике // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. № 4 (29). С. 7–19.
9. Манойло А.В. Убить котенка, или технологии конфликтной мобилизации в социальных сетях // Международные отношения. № 2. С. 197–202, DOI: 10.7256/2409-8671.2015.3.15973.
10. Манойло А.В. Основы теории современных информационных войн // Геополитический журнал. 2017. № 4 (19). С. 3–23.
11. Манойло А. В. Современные политические конфликты: право на вмешательство // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 178–188.
12. Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М., 2003. 536 с.
13. Россия в XXI веке. Материалы годового собрания Академии геополитических проблем. М., 2012. 120 с.
14. Чураков Д.О. «Войны памяти» и локальные конфликты современности // Преподавание военной истории в России и за рубежом. М., СПб., 2018. С. 421–431.
15. Чураков Д.О. Новейшая историография противодействия современным локальным гибридным войнам со стороны истории России // Преподаватель XXI век. 2017. № 2. Ч. 2. С. 277–286.
16. Чураков Д.О. Учебник истории и «войны памяти» на постсоветском пространстве // Преподаватель XXI век. 2013. № 3, Ч. 1. С. 21–27.
17. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической философии. / Пер. с фр. В.И. Колядко/ М., 2000. 639 с.
18. Герасимов В.В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер. 2013. № 8 (476). URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/14632>.